

**А.В. Выборнов¹✉, Е.А. Гирченко¹, Д.А. Бычков¹,
О.А. Горельченкова⁴, А.С. Иванова¹, М.В. Селецкий¹,
К.О. Сопова¹, И.В. Стасюк², И.В. Толпеко³,
К.К. Павленок¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия

³Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

⁴Красноярский кадетский корпус им. А.И. Лебеда
Красноярск, Россия

E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Средневековые могильники у озер Аялвач и Таштагол в Барабинской лесостепи

В статье представлены первые сведения об исследованных спасательными раскопами курганных могильниках Озеро Аялвач-1 и Озеро Таштагол-1, расположенных в центральной части Барабинской низменности (Чановский р-н Новосибирской обл.). Могильники расположены вблизи небольших пресных озер, на ровных поверхностях лесостепного ландшафта. По территории могильников проложен коридор коммуникаций нефтепроводного транспорта, реконструкция которого обусловила проведение археологических раскопок. У оз. Аялвач выявлены три кургана, два из которых представлены лишь фрагментами сохранившегося рва, а также два грунтовых погребения за пределами курганов. У оз. Таштагол изучены четыре кургана со рвами и центральными погребениями, а также одно грунтовое погребение. Курганы представляют собой земляные сооружения, состоящие из насыпи высотой от 0,1 до 1 м, диаметром от 5 до 13 м и окружающего насыпи подпрямоугольного рва, шириной 0,6–1,3 м, глубиной 0,3–0,7 м со входом с восточной стороны. Под насытью, на уровне древней дневной поверхности либо в небольшом углублении располагаются труположения одного и трех человек, с использованием берестяных покрытий, в сопровождении погребальной конструкции либо постингумационных вмешательств. В составе сопроводительного инвентаря – предметы вооружения, быта, конского снаряжения, украшения, посуда. В насыпи самого большого кургана обнаружено впускное погребение новорожденного и керамические сосуды. За пределами курганов, на расстоянии до 20 м, преимущественно с восточной стороны, выявлены грунтовые погребения – парное, одиночные, детские и взрослые, выполненные в небольших углублениях, с берестяным покрытием и без, без использования огня, с сопроводительным инвентарем. На основании известных аналогий инвентарю и погребальным конструкциям могильники датируются началом II тыс. н.э. и связаны с носителями венгеровской культуры, частью кимако-кипчакской культурной общности развитого Средневековья.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, Средневековье, венгеровская культура, кимако-кипчакская общность, курганные могильники, курганы, грунтовые могилы.

**A.V. Vybornov¹✉, E.A. Girchenko¹, D.A. Bychkov¹,
O.A. Gorelchenkova⁴, A.S. Ivanova¹, M.V. Seletsky¹,
K.O. Sopova¹, I.V. Stasyuk², I.V. Tolpeko³,
K.K. Pavlenok¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russia

Medieval Burial Grounds near Lakes Ayalvach and Tashtagol in Baraba Forrest-steppe

The article presents the first results of rescue excavations of the Ozero Ayalvach-1 and Ozero Tashtagol-1 burial mounds located in the central part of the Baraba lowland (Chanovsky district, Novosibirsk region). The burial grounds are located near small freshwater lakes in the plain forest-steppe landscape. The burial grounds are situated in a reconstructed oil pipeline transport communication corridor. Three kurgans, two of which are represented only by surviving fragments of the ditch, and two other ground burials outside the kurgans were revealed near Lake Ayalvach. Near Lake Tashtagol, four kurgans with ditches and central burials, as well as one ground burial were excavated. Kurgans are earthen constructions with a mound from 0,1 to 1 m high, from 5 to 13 m in diameter and a subrectangular ditch surrounding mound, 0,6–1,3m wide and 0,3–0,7 m deep with a gate from east side. Under the mound, one and three corpses with birch bark covers with or without a horse skin were found at the level of the ancient surface or in a small depression. In all cases, traces of the use of fire are recorded in the kurgans, either during the construction of the funerary structure or postinhumation penetrations. The grave inventory includes items of armament, everyday life, horse harness, jewelry and pottery. The inlet burial of a newborn baby and ceramic vessels were discovered in the largest mound. Ground burials - paired, individual, child and adult, were made in small depressions, with and without birch bark covering, without fire traces, with grave goods, outside the kurgans, mainly in the eastern side at a distance of 20 m. Based on known parallels of the tools and funerary constructions, the burials were dated to the early 2nd millennium A.D. and associated with the bearers of the Vengerovo culture of the Kimek-Kipchak medieval cultural community.

Keywords: Baraba forest-steppe, Middle Ages, Vengerovo culture, Kimek-Kipchak community, kurgan burial mounds, burial mounds, ground graves.

Введение

Источники по истории населения Барабинской лесостепи в эпоху Средневековья группируются в материалы серии археологических культур – потчевашская, усть-ишимская, сrostкинская, кыштовская [История Сибири, 2019]. Этими конструктами описывается полиязычное население, в разной степени оказавшее влияние на этногенез современных народов юга Западной Сибири. Представительность и насыщенность источниковой базы чрезвычайно неравномерна, памятники Средневековья Барабы в значительной степени были опубликованы и проанализированы в фундаментальных монографиях 1980–1990-х гг. [Молодин и др., 1988; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Молодин, Соловьев, 2004]. В этих трудах представлены концепции появления тюрок в лесостепи Западной Сибири, их взаимодействие с местным самодийским и угрозязычным населением и соответствующее проявление социальных процессов в сфере материальной культуры, погребальной практики. Крайне редко появляются новые источники по средневековой истории Барабы, еще реже они публикуются. Тем важнее появление новых материалов, особенно таких, которые можно связать со средневековой венгеро-археологической культурой, лишь несколько

раз отраженной в научных публикациях [Молодин и др., 1988; Троицкая, Новиков, 2004].

Курганы, которые можно связывать с венгеро-археологической культурой, попали в зону производства работ по реконструкции нефтепродуктопровода в Чановском р-не Новосибирской обл. Спасательные археологические раскопки должны были охватить всю площадь пересечения отводимых земель и территории курганных могильников Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1 в окрестностях аула Тебис. Значительная часть изучаемой территории была нарушена при прокладке трубопроводов и соответствующих коммуникаций. Однако сохранившиеся участки могильника и отдельные следы от курганов у проложенных труб позволили уверенно атрибутировать материалы раскопок и пополнить представления по истории населения венгеро-археологической культуры.

Материалы полевых работ

Курганные могильники Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1 были открыты в 1992 г. работами Е.Г. Фаламеевой и В.А. Сумина, позднее посещались и описывались С.В. Колонцовым, Д.Е. Ануфриевым, А.О. Князевым, Е.А. Кузнецовой. Раскопки на могильниках ранее не проводились. На основании наличия в насыпи прокаленного суглинка объекты датировались эпохой Средневековья.

Курганный могильник Озеро Таштагол-1 вытянут примерно на 250 м с юга на север у юго-восточного берега оз. Таштагол. Поверхность ровная, слегка поднятая над окружающей местностью и хорошо заметна на контрасте с котлованом озера, которое плавно, но ясно выделяется бровкой котловины. В ландшафте и обнажениях 1992 г. выделялось 9 курганных насыпей. Явной планиграфической закономерности не определяется. Можно лишь предполагать, что пять наиболее крупных насыпей южной группы располагаются по неровной линии с севера на юг.

В рамках раскопа на Озере Таштагол-1 изучены курганы 3, 4, 9, 10 и одно погребение вне кургана.

На курганах 3 и 4 относительно хорошо читалась насыпь (диаметром 11–13 м, высотой 0,2 и 1 м соответственно) и ров (подпрямоугольный контур ок. 15 и 13 м, шириной 1–1,3 и 1 м, глубиной 0,7 и 0,5 м соответственно), на курганах 9 и 10 насыпи сохранились фрагментарно. Все насыпи были окружены ровом подпрямоугольной формы со входом с восточной стороны (шириной от 0,8 до 1,4 м) (рис. 1, 1–2). Под насыпью располагались могилы разной степени сохранности. Как правило, содержали ингумацию человека (в кург. 3 – трех человек), ориентированного головой на запад, лежащего на спине (рис. 1, 3). У северного края погребений в насыпи на

Рис. 1. Курганный могильник Озеро Таштагол-1.

1 – кург. 3 с выбранным рвом; 2 – кург. 4 с выбранным рвом; 3 – погр. 1 кург. 3 (вид с востока); 4, 5 – керамические сосуды из жертвенника кург. 4; 6 – бронзовые серьги из кург. 3; 7 – металлический перстень из кург. 9; 8 – биметаллическая пряжка из кург. 9; 9 – железные нащельные рукоятки плети из части 28.

курганах 3, 4, 9 – остатки шкуры коня. Мощное воздействие огня на насыпь фиксируется в курганах 3 и 4, обожженная насыпь и могильное покрытие – в кург. 10, следы воздействия наиболее высокой температуры, приведшей к кальцинированию костей, зафиксированы в погребении кург. 9. Огонь разводился внутри «грабительского» шурфа и на поверхности насыпи. Древние антропогенные нарушения явно присутствуют в насыпях и погребениях курганов 3, 4, 9. На южной стороне насыпи кург. 4 зафиксирован жертвенник в виде небольшого углубления с двумя керамическими сосудами (рис. 1, 4, 5). Южнее центральной могилы в насыпи кург. 4 находилось впускное погребение новорожденного в берестяной обкладке. В составе погребального инвентаря – предметы украшения, оружие, конское снаряжение. Среди погребального инвентаря в курганах особый интерес представляют: находки на одной шкуре лошади стремян с прямой подножкой и с разными типами оформления ушек для путлища – восьмерковидная петля и отверстие в расширении дужек (кург. 4); стержневидные псалии (курганы 4, 9); бронзовые серьги со сферической подвеской (кург. 3) (рис. 1, б); украшения с мелкими бронзовыми бусинами и бисером (кург. 3); металлические и костяные наконечники стрел (курганы 3, 10); металлические кольца прямоугольной формы со схематичным изображением дерева (кург. 9) (рис. 1, 7) и без орнамента, но на фаланге (кург. 4); биметаллическая пряжка (рис. 1, 8) и др. Предметы были обнаружены и вблизи курганов, вне погребального пространства – напр., навершие плети – массивный железный сферический предмет с «клювом» (рис. 1, 9).

Внекурганное погребение (грунтовая мог. 1) располагалось на расстоянии 16 м к северо-востоку от кург. 4, не имело никаких следов на современной поверхности и было замечено только после снятия первого слоя гумусированного суглинка, нарушенного пахотой. В подпрямоугольной могиле размерами 1,14 × 1,45 м глубиной до 15 см от уровня фиксации на дно был уложен лист бересты, нижний контур ямы обложен деревянными жердями. Остатки двух детских скелетов располагались на спине, головой на запад. Дети разного возраста. У младшего ребенка (северный скелет) на правом запястье широкий браслет из трех рядов крупных бусин, в ногах керамический сосуд – толстостенный, лепной, плоскодонный, широкое открытое устье, вдоль венчика ряд ямочек, венчик отогнутый с оттисками круглой палочки перпендикулярными краю, размеры – диаметр ок. 14 см, высота 12 см. У левого плеча старшего ребенка (южный скелет) железный черешковый нож, семена растений на зубах и нижней челюсти. Оба погребенных имели берестяное покрытие.

Курганный могильник Озеро Аялвач-1 вытянут на 330 м с запада на восток у северо-восточного берега оз. Аялвач на плавном, практически незаметном повышении местности. При первоначальном обследовании в 1992 г. были отмечены 13 насыпей курганов, в том числе разрушенные участки концентрации спекшегося суглинка. Выделяются южная и северная группы курганов. Раскопом была изучена центральная и часть южной территории памятника. В 2022 г., после свежей распашки, большая часть курганов на современной дневной поверхности не выделяется, в полосе раскопа не был виден ни один курган.

На Озере Аялвач-1 в рамках раскопа изучены курганы, часть из которых можно соотносить с ранее выделенными насыпями, иные не выделялись на современной поверхности – курганы 7, 13, 14 и два погребения вне курганов. На курганах 13 (рис. 2, 3) и 14 обнаружены остатки рвов со входом с восточной стороны, все остатки погребений и насыпи уничтожены и не обнаружены. На кург. 7 выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции под насыпью (подпрямоугольная рама) и одиночное погребение женщины (рис. 2, 2) с богатым набором украшений – парная застежка (рис. 2, 7), металлические бусины и кольца головного украшения, бронзовые бубенчик, зеркало (рис. 2, 5), сердцевидная подвеска. Отдельные могилы вне курганов представляют собой углубления без дополнительных конструкций и содержат остатки взрослого мужчины с фрагментом железного ножа (грунтовая мог. 1), ребенка (рис. 2, 4) с крупной бронзовой сердцевидной бляхой на кожаной основе (рис. 2, б) (грунтовая мог. 2).

Специфика и вариант реконструкции погребального обряда

Курганные насыпи по-разному сохранились до археологических раскопок. Наиболее показательны для понимания конструкции и диапазона размеров хорошо сохранившаяся самая большая насыпь кург. 4 на Озере Таштагол-1, прилегающий к нему наименее нарушенный кург. 10 без явно выделяющейся насыпи и кург. 3 с практически уничтоженной насыпью, но с самым большим по размерам рвом.

Судя по полевым наблюдениям, конструкция и погребальный обряд на всех курганах однотипны. Высота насыпи кургана, по-видимому, зависела от площади подкурганной поверхности. Предполагаемая реконструкция строительства кургана следующая. Вначале сооружается ров, грунт из него складывается, по-видимому, с наружной ча-

Рис. 2. Курганный могильник Озеро Аялвач-1.

1 – кург. 7 с выбранным рвом; 2 – могила в кург. 7 (вид с юга); 3 – кург. 13 с выбранным рвом; 4 – грунтовая мог. 2 (вид с востока); 5 – зеркало из кург. 7; 6 – сердцевидная бляха из грунтовой мог. 2; 7 – бронзовая парная застёжка из кург. 7.

сти рва, либо на отдельной площадке, возможно, располагавшейся с западной стороны (у кург. 4 на расстоянии до семи метров здесь зафиксированы возвышенности из рыхлого грунта). Внутри рва подготавливается площадка, снимается верхний почвенный горизонт, но не полностью (на отдельных участках с внутренней стороны рва фиксируется погребенная древняя дневная поверхность). На внутренней площадке сооружается одновенцовая рама, обозначающая внутреннюю часть кургана. В случае кург. 4 внутри этого периметра, у его границы выкапывается небольшая яма, в которую устанавливается керамический сосуд. Далее выкапывается могильная яма – небольшое углубление на древней поверхности. Дно могилы покрыва-

ется берестой или иным органическим материалом, укладывается покойный. На уступ с северной стороны укладывается шкура взнузданной лошади со стременами. Могила и шкура покрываются листьями бересты. Далее возводится четырехугольная платформа из дерновых блоков размерами ок. 20 см и грунта из рва. Блоки укладываются один на другой горизонтальными слоями в пределах сооруженной рамы. Деревянная рама сжигается. На этом заканчивается этап строительства кургана. После возведения насыпи проходит время, достаточное для естественного заплывания насыпи, закрытия сгоревшей рамы и частичного заполнения рва. Позднее в насыпи кургана копается яма над могилой с настолько высокой точностью, что затраги-

вается только погребение человека, шкура лошади остается ненарушенной. Выкид из шурфа остается на поверхности насыпи. Потревожив кости и сопроводительный инвентарь в пределах «грабительского шурфа», нарушители сооружают костры – внутри ямы и на поверхности насыпи. В результате образуется провал, который отчетливо фиксируется в теле насыпи. После сожжения яма закапывается, в том числе прокаленным грунтом.

Описанным способом формировались изученные курганы могильников Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1. Отличия фиксируются в относительных категориях: размерах рва и насыпи, степени прокаленности грунта, нарушения и сохранности костей погребенных. Эти различия могут быть обусловлены сезоном захоронения, степенью позднейшего вмешательства, активностью землероев. Общим остается наличие перемычки во рву с восточной стороны; небольших (в пределах 0,05–0,2 м от древней дневной поверхности) углублений могильных ям в центре подкурганной поверхности; расположение костяков вытянуто на спине, ориентированных головой на запад. Наличие шкуры лошади с удилами и стремями у северного внешнего края могильной ямы, а также состав и количество погребального инвентаря отличаются и отражают социальный статус погребенного. Не везде сохраняются и следы поминальных тризн – кости барана обнаружены во рвах курганов 9, 10.

Примечательно, что захоронения детей отличались. В одном случае (кург. 4 Озеро Таштагол-1, младенец 9–12 месяцев) впушен в насыпь кургана в берестяной обкладке. В двух других (мог. 1 Озеро Таштагол-1, мог. 2 Озеро Аялвач-1) расположены в отдельных подпрямоугольных ямах с представительным инвентарем, на расстоянии 10–16 м к востоку от «материнских» курганов. В третьем случае (кург. 10 Озеро Таштагол-1, ребенок 9–14 лет) в 7 м к востоку от большого кург. 4 возведен отдельный курган существенно меньших размеров по описанным выше правилам, без шкуры лошади. В то же время и взрослые могли захораниваться за пределами кургана – мог. 1 на Озере Аялвач-1 расположена на расстоянии ок. 20 м к востоку от кург. 9 (находится за границами раскопа) и содержала останки взрослого мужчины с фрагментом железного ножа.

Культурно-хронологическая атрибуция могильников

Курганные могильники Озеро Аялвач-1 и Озеро Таштагол-1 относятся к одной культуре и синхронны либо незначительно разнесены во времени, и связаны с людьми, кочевавшими в окрестностях этих озер.

Курганные конструкции и черты погребальной обрядности, а также сопроводительный инвентарь имеют аналогии в материалах культур, связываемых с тюркским населением Южной Сибири и Северного Казахстана конца I – начала II тыс. н.э. Более всего совпадений в принципах организации погребального сооружения и морфологии погребального инвентаря мы находим с предметами венгерской культуры, выделенной Д.Г. Савиновым на основе раскопок могильников Осинцево IV и Венгерovo VII [Молодин и др., 1988]. Общими чертами являются: рвы с перемычками; насыпи в форме уплощенных платформ; деревянные детали рам в подкурганном пространстве; следы обожжения в насыпи и под курганом; труположения в небольших углублениях с преимущественной ориентацией головы на запад. Обращает на себя внимание совпадение в нарушении скелетов – Д.Г. Савинов также отмечал на осинцевских и венгерских курганах изменение положения костей, связанное с вмешательством в курган вскоре после захоронения и сокрытие следов такового [Молодин и др., 1988, с. 106].

Погребальный инвентарь в курганах у озер Таштагол и Аялвач находит обширные аналогии среди материалов тюркских культур рубежа тысячелетий. Ромбовидный вытянутый костяной наконечник стрелы, железные ножи с коротким черешком и прямым обушком, а также керамические сосуды с оттисками по краю венчика и рядом ямочек обнаружены в курганах Осинцево IV и Венгерovo VII [Молодин и др., 1988, рис. 46]. Сердцевидные бляхи широко распространены в материалах сrostкинской культуры [История..., 2019, рис. 118] и кимаков Верхнего Иртыша [Археологические памятники..., 1987, рис. 81, 97]. Аналогии украшениям – бусинам из стекла и бронзы, парной застежке («якоревидные бляхи»), несомкнутым кольцам из цветных металлов, серьгам со сферическими подвесками, бронзовым бубенчикам – обнаруживаются в большом количестве в кимакских курганах долины Верхнего Иртыша, например Белокаменка, Карашат I [Там же, рис. 74, 97, 102] и др. Массивные стремяна с прямой подножкой и ребром жесткости, арочным проемом и восьмерковидной петлей широко распространены на рубеже тысячелетий по всему лесостепному поясу Евразии, и встречаются в т.ч. в кимакских комплексах [Там же, рис. 73 и др.], где известны и стремяна с расположением отверстия для путлица в расширяющихся дужках, например, могильник Джартаc [Там же, рис. 66].

Предшественники носителей венгерской культуры связаны с населением более южных районов – Кулундинской степи. На могильнике Новая

Курья был исследован курган, который несет значительно больше черт тюркской основы, главная из которых – глубокая могильная яма для человека и коня [Марченко и др., 2019]. Датировка средневекового кургана из Нижней Курьи – конец X – первая треть XI в. [Кишкурно, Марченко, Гришин, 2020].

Таким образом, круг аналогий позволяет относить изученные курганы к эпохе развитого Средневековья и датировать в пределах XI–XII вв. Более точный возраст может быть установлен при условии серии непротиворечивых абсолютных датировок и при дополнительных исследованиях соотношения материалов таштагольских-аялвачских курганов с предметами из подобных памятников, раскопанных ранее – Олтарь, Венгерово VII, Осинцево IV, Лопушное Озеро I, II. На наш взгляд, таштагольские и аялвачские курганы предшествуют по времени курганам из-под Венгерово и из-под Осинцево, отражая период нескольких более ранних поколений носителей венгеро-славянской культуры. На это указывает более разнообразный набор украшений, связанный с верхнеиртышским ядром формирования культуры кимакской общности.

На основании имеющихся сведений, мы предполагаем, что создатели курганов у озер Аялвач и Таштагол – это население с явным кимако-кипчакским происхождением престижной части материальной культуры (украшения). Носители венгеро-славянской культуры имеют своеобразие бытовой составляющей, но обладают универсальным комплексом кочевнического снаряжения в части оружия и конского снаряжения, а украшения стараются сохранять традиционного облика. Многокомпонентный характер погребальной обрядности в курганах венгеро-славянской культуры отражает и процессы аккультурации местного населения в процессе тюркизации, и адаптацию собственно тюрков к условиям лесостепной Барабы и сосуществования с предшествующим инокультурным населением.

Заключение

В результате спасательных археологических раскопок на могильниках у озер Аялвач и Таштагол на севере Чановского р-на Новосибирской обл. получен археологический материал для исследования средневекового населения Барабы. Судя по составу инвентаря и погребальному обряду, изученные курганы относятся к венгеро-славянской культуре, выделенной Д.Г. Савиновым. Погребальные объекты венгеро-славянской культуры отражают сложные процессы тюркизации населения Барабинской лесостепи в начале II тыс. н.э. Отдельные компоненты погребальной обрядности (возведение ограды и выделенной насыпи, использование шкуры коня) ярко демонстрируют

сохранение традиций устройства и состава кургана тюрков-кочевников приалтайских степей, иные – показывают адаптацию обрядности к условиям Барабинской низменности (древесно-земляные насыпи, сооружение рва, небольшие углубления). Вероятно, изученные курганы являются региональным вариантом государственной культуры населения Кимакского каганата XI–XII вв. н.э.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене – голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геологических объектов». Авторы благодарят АО «Транснефть-Западная Сибирь» за ответственный подход к сохранению археологических объектов на обширных землях нефтепроводных коммуникаций.

Список литературы

- Археологические памятники** в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 280 с.
- История Сибири:** в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2: Железный век и Средневековье. – 643 с.
- Кишкурно М.С., Марченко Ж.В., Гришин А.Е.** Биоархеологические аспекты изучения средневековых материалов курганного могильника Новая Курья (Северная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26 – С. 453–461. – doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.453-461
- Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О.** Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 449–456. – doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.448-456
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородавский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И.** Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т.2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 2004. – 136 с.

References

Akishev K.A. (ed.) Arkheologicheskiye pamyatniki v zone nablyudeniya zatopleniya Shul'binskoy GES. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1987. 280 p. (In Russ.).

Kishkurno M.S., Marchenko Zh.V., Grishin A.E. Bioarkheologicheskie aspekty izucheniya srednevekovykh materialov kurgannogo mogil'nika Novaya Kur'ya (Severnaya Kulunda). *In* Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 453–461. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.453-461

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyad'kov P.G., Evmenov N.D., Kokorev F.V., Gnezdilova I.S., Ponedel'chenko L.O. Novyi kurgannyi mogil'nik Novaya Kur'ya-1 v Severnoi Kulunde *In* Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 449–456. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.448-456

Molodin V.I. (ed.) Istoriya Sibiri: in 4 vol. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 2: Zheleznyy vek i Srednevekov'ye. 643 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Yelagin V.S., Sobolev V.I., Polos'mak N.V., Sidorov Ye.A., Solov'yov A.I., Borodovskiy A.P., Novikov A.V., Kim A.R., Chikisheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoye vremya. Novosibirsk: Nauka, 1988. 176 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'yov A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Solov'yov A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. Vol. 2: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ya. 182 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 2004. 136 p. (In Russ.).

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>

Гирченко Е.А. <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Бычков Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-7646-9740>

Горельченкова О.А. <https://orcid.org/0000-0002-3054-8515>

Иванова А.С. <https://orcid.org/0000-0003-4452-7544>

Селецкий М.В. <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

Сопова К.О. <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

Стасюк И.В. <https://orcid.org/0000-0002-3054-8515>

Толпек И.В. <https://orcid.org/0000-0002-3085-2330>

Павленок К.К. <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>